

УДК 342.7

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS622748>

Научная статья

Обыденное толкование конституционных норм в части определения понятия «цифровой рубль»

Е.А. Певцова¹, Н.С. Певцова²¹ Российский государственный университет народного хозяйства имени В.И. Вернадского, Московская область, Россия;² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Международный юридический институт, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности такой юридической конструкции, как «обыденное толкование», на примере уяснения и разъяснения конституционных норм с учетом все большего проникновения в лексикон населения страны элементов цифрового тезауруса, а также предложить некоторые организационно-правовые механизмы формирования устойчивого правомерного поведения субъектов права, не обладающих достаточной юридической компетентностью.

Процедура и методы. В работе использованы общенаучная методология (методы системного анализа, синтеза, диалектический, формально-логический) и специальные правовые методы исследования (сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический), метод анкетирования и интервьюирование, информационно-аналитический и математический.

Результаты. Обозначены теоретико-методологические и научно-практические аспекты обыденного толкования конституционных норм в части определения понятия «цифровой рубль». Даны оценка и прогнозы совершенствования правового толкования конституционных норм в части выведения конструкции права на осуществление обыденного толкования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Правовая теория и практика обогащены новыми знаниями о сущности и особенностях обыденного толкования как конституционного права каждого человека, не являющегося юристом, уяснять и разъяснять право. Выдвинуты ключевые позиции для развития доктрины толкования правовых норм, дальнейшего углубленного концептуального изучения такой правовой категории, как цифровой рубль. Внесены предложения по совершенствованию правового регулирования обыденного толкования на примере понимания индивидами правовых норм в части юридической регламентации цифрового рубля.

Ключевые слова: толкование; виды толкования; уяснение; разъяснение конституционных норм; обыденное толкование; толкование понятия «цифровой рубль»; влияние цифры на толкование; цифровой рубль.

Как цитировать

Певцова Е.А., Певцова Н.С. Обыденное толкование конституционных норм в части определения понятия «цифровой рубль» // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 4. С. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS622748>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS622748>

Research article

Ordinary Interpretation of Constitutional Norms Regarding the Definition of the Concept of “Digital Ruble”

E.A. Pevtsova¹, N.S. Pevtsova²

¹ Russian State University of Economy named after V.I. Vernadsky, Moscow region, Russia;

² Lomonosov Moscow State University, International Law Institute, Moscow, Russia

ABSTRACT

AIM: To identify the features of a legal structure “ordinary interpretation” by understanding and explaining constitutional norms, considering the increasing penetration of digital thesaurus elements into the lexicon of the country’s population. It also attempts to propose specific organizational and legal mechanisms for the formation of sustainable lawful behavior of subjects of law who do not have sufficient legal competence.

PROCEDURE AND METHODS: The study uses general scientific methodology (methods of system analysis, synthesis, dialectical, formal-logical) and special legal research methods (comparative legal, historical-legal, formal legal), questionnaire and interviewing methods, information-analytical, and mathematical.

RESULTS: The theoretical, methodological, scientific, and practical aspects of the everyday interpretation of constitutional norms in terms of defining the concept of “digital ruble” are presented. An assessment and forecasts are provided for improving the legal interpretation of constitutional norms in terms of deriving the structure of the right to carry out ordinary interpretation.

THEORETICAL AND/OR PRACTICAL INNOVATIVENESS: Legal theory and practice complement new provisions on the essence and features of ordinary interpretation as the constitutional right of every person who is not a lawyer to understand and explain the law. Key positions are put forward for the development of the doctrine of interpretation of legal norms and an in-depth conceptual study of a category of the digital ruble. Proposals are made to improve the legal regulation of ordinary interpretation based on individual understanding of legal norms in terms of legislative regulation of ruble ranges.

Keywords: interpretation; types of interpretation; clarification; clarification of constitutional norms; ordinary interpretation; interpretation of the concept of digital ruble; important numbers for interpretation; digital ruble.

To cite this article

Pevtsova EA, Pevtsova NS. Ordinary interpretation of constitutional norms regarding the definition of the concept of “digital ruble”. *Russian journal of legal studies*. 2023;10(4):15–26. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS622748>

Received: 15.10.2023

Accepted: 12.11.2023

Published: 20.12.2023

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения того, как толкуются юридические правила обычными людьми, а также сложившегося в обществе обыденного правосознания обусловлена многочисленными обстоятельствами.

Во-первых, необходимостью разобраться в том, как большинство населения России, не обладающее юридическим образованием, понимает и интерпретирует законодательные нововведения, связанные с цифровыми отношениями, например с появлением цифрового рубля.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что правомерно вести себя в повседневной жизни людям позволяет в значительной мере их обыденное миропонимание и толкование законодательной базы, поскольку оно формирует каждодневные поступки людей в сфере права, а также в мире цифрового пространства. И здесь не обойтись без банального, но очень важного для понимания темы постулата: от состояния правовой культуры, знания и понимания законодательства, его верного толкования каждым человеком зависит успешность деятельности органов публичной власти, а также уровень доверия граждан к государству.

В-третьих, на сегодняшний день, несмотря на достаточно внушительное количество глубоких исследований в области способов и видов толкования, практически отсутствуют комплексные изучения обыденного толкования законодательных новелл в сфере цифровизации, к которым можно отнести в том числе введение в гражданский оборот цифрового рубля.

Степень научной разработанности темы

Особенности толкования норм права на протяжении многих лет изучали многочисленные научные школы, известные в сфере науки ученые, в частности отдельные аспекты интерпретационного процесса были рассмотрены в работах: С.А. Авакьяна, Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, В.М. Баранова, Я.М. Брайнина, С.Н. Братуся, Е.В. Васюковского, А.Б. Венгерова, Н.А.Власенко, Л.Д. Воеводина, Н.Н. Вопленко, Д.А. Гаврилова, Г.Г. Гадамера, Н.А. Гредескула, И. Грязина, Н.Д. Дурманова, Ю.Х. Калмыкова, Ж. Карбонье, В.Н. Карташова, А.П. Коренева, Н.М. Коркунова, В.В. Лазарева, К. Ларенца, П.И. Люблинского, Н.М. Минасяна, С.А. Муромцева, А.В. Наумова, Е.А. Певцовой, А.С. Пиголкина, Ф. Регельсбергера, И. Сабо, А.Б. Спасова, Н.Я. Соколова, Ю.Г. Ткаченко, И.Е. Фарбера, Т.Я. Хабриевой, А.Ф. Черданцева, Г.Ф. Шершеневича, А.С. Шляпочникова, Г.Г. Шмелевой, Л.С. Явича и других ученых.

Особенности толкования права затронуты в диссертационных исследованиях Е.Н. Атаршиковой, Е.В. Березовской, Ю.Ю. Ващенко, Ю.А. Гавриловой, В.Е. Годика, Т.В. Губаевой, А.Г. Манукяна, С.Г. Пишиной, О.М. Смирновой, Н.Н. Хабибуллиной и других авторов.

Вместе с тем к настоящему времени отсутствует достаточное количество работ, которые освещают обыденное толкование в условиях цифрового мира. Большинство исследователей утверждают, что указанным видом толкования занимается фактически все население страны и, в первую очередь, те, кто не обладает достаточной юридической компетенцией, поскольку число людей не юристов по количеству значительно превалирует над численностью правоведов, осуществляющих профессиональное толкование.

Для примера поясним. Согласно ст. 7 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»¹, в 2023 г. в России было 25 483 судей федеральных судов общей юрисдикции, 4493 судей федеральных арбитражных судов, 11 судей Конституционного Суда Российской Федерации, 170 судей Верховного Суда РФ. Вместе с тем, по данным Росстата России, на 1 января 2023 г. в Российской Федерации проживало 146 447 424 человек. Таким образом, элементарные подсчеты показывают, что на федеральном уровне правом на судебное толкование обладает только 30 157 человек (т. е. 0,20 % всего населения России). Обращаем внимание, что на практике такой процент носителей права на судебное толкование еще ниже, поскольку при данном подсчете нами не бралось фактическое количество судей (в частности, в Конституционном Суде Российской Федерации в качестве судей с 1 сентября до 25 сентября 2023 г. трудилось не 11, а только 10 судей).

Вместе с тем многие исследователи утверждают, что осуществлять обыденное толкование может, пожалуй, 100 % населения.

С изменением мира, появлением новых технологий меняется и мировоззрение населения, а значит, восприятие окружающей действительности, а также виртуальной реальности. Обработка больших данных (Big Data), цифровой мир, цифровая реальность — это уже не будущее, а настоящее, которое нас окружает, без чего уже сложно представить современную жизнь. Кроме того, расширяется применение цифровых технологий, развивается платежная инфраструктура.

С 1 августа 2023 г. в силу вступили основные положения законов, создающих правовую базу для начала проведения операций с цифровым рублем, — Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² и Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части

¹ Федеральный закон от 5 декабря 2022 года № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Российская газета. 2022. 8 декабря.

² Федеральный закон от 24 июля 2023 года № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 31 июля.

третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»³. Принятие и разработка указанных законов, в частности законопроекта № 270838-8, сопровождалась различными дискуссиями, в том числе на этапе рассмотрения Государственной Думой текста законопроектов в первоначальном виде. Так, многие юристы указывали на то, что поскольку счета, открываемые для учета цифровых рублей, банковскими счетами не являются, и законопроектом не был определен порядок учета цифровых рублей, не ясно, каким законодательством должен регулироваться порядок учета цифровых рублей. Кроме того, в связи с тем, что законопроектом № 270838-8 предусматривалось только заключение договора, который будет определять порядок доступа к цифровым счетам, юристы отмечали, что не понятно, на каком основании будут открываться непосредственно счета, на которых будут учитываться цифровые рубли, а также какой именно гражданско-правовой договор (его основные условия) должен заключаться пользователями платформы цифрового рубля с оператором платформы цифрового рубля в данном случае. Также многие юристы указывали на необходимость законодательно дать более четкие дефиниции таким понятиям, как «деньги», «денежные средства», «цифровые деньги», «платежные средства», «цифровая валюта», «электронные деньги» [1].

Вместе с тем обсуждение законодательных положений в части цифрового рубля населением, не имеющим юридического образования, практически не происходило, о чем свидетельствуют данные с портала «regulation.gov.ru»⁴.

Обращаем внимание, что введение цифрового рубля затронет будущее всех граждан и лиц, находящихся в Российской Федерации. Так, его введение в широкий оборот предполагается начать с 2025 г., при этом массовое внедрение цифрового рубля будет происходить поэтапно, в течение нескольких лет. По оценке Банка России, все граждане смогут иметь возможность открывать цифровые кошельки, получать цифровые рубли и активно использовать их уже в 2025–2027 гг.

Что касается исследований в области цифрового рубля и практики его использования, следует подчеркнуть, что каких-либо комплексных научных изысканий по данной теме не проводилось, они только стартуют в своем научном осмыслении, поскольку цифровой рубль появился достаточно недавно.

Вместе с тем по данной проблеме стоит упомянуть кандидатские диссертации Орлова Ф.П. («Перспективы развития международного рынка цифровых валют», 2022),

³ Федеральный закон от 24 июля 2023 года № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 31 июля.

⁴ Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npalD=139958#> (дата обращения: 18.09.2023).

Прохорова П.А. («Статистическое исследование развития цифровой экономики в Российской Федерации», 2022), Яковлевой М.А. («Развитие системы валютного регулирования и валютного контроля России в условиях цифровой экономики», 2021), и других, а также докторскую диссертацию Пшеничкова В.В. («Эволюция форм и видов денег от натурального обмена до цифровых транзакций», 2023).

С точки зрения обыденного уяснения и разъяснения вопрос дальнейшего внедрения и использования цифрового рубля обуславливает необходимость разобраться в его обыденном толковании и понимании. Важно понять, какие в государстве нужны меры, помогающие каждому правомерно использовать нормы, регулирующие цифровой рубль. В ином случае люди, не обладающие юридической подготовкой, не будут понимать цифровой прогресс, а все инновации в этой сфере могут закончиться крахом.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Слово «рубль» впервые встречается в новгородских грамотах XIII в. в качестве эквивалента новгородской гривны (двестиграммовой «палочки» из серебра), а уже спустя пару веков рубль превратился в полноценную денежную единицу.

Прошли столетия, и к рублю как обязательному атрибуту, сопровождающему повседневную активность обыденной жизни людей, привыкли. Цифровые отношения, стремительно развивающиеся в XXI в., привели к появлению нового термина «цифровой рубль». В частности, 3 августа 2023 г. Совет директоров Банка России установил тарифы для операций с цифровыми рублями и одобрил логотип национальной цифровой валюты — цифрового рубля. Банком России была разработана Концепция цифрового рубля, в которой указаны его основные преимущества и регламентированы этапы реализации проекта. Отмечается, что цифровой рубль станет эмитироваться Банком России в качестве «третьей формы российской валюты».

Соответствующие изменения были внесены и в федеральное законодательство.

В частности, теперь в статье 140 ГК РФ⁵ («деньги (валюта)») указывается:

1. Рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации.

2. Платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями.

Практика показала, что простому обывателю, не знакомому с цифровым рублем, сложно понять, какие бывают формы российской валюты, сколько их, является ли цифровой рубль просто видом безналичного расчета

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.

и чем тогда он отличается от транзакций онлайн, а также чем он отличается от криптовалюты. Все эти вопросы, как правило, вызывают непонимание у большинства населения.

Обыденное толкование цифрового рубля стало еще больше заводить в тупик людей преклонного возраста, слабо знакомых с цифрой. Более компетентные в сфере новых цифровых технологий граждане стали пытаться разобраться с указанной конструкцией через самостоятельное знакомство с нормативными актами. С какими сложностями сталкиваются те, кто пытался уяснить и разъяснить на уровне обыденного толкования цифровой рубль? Исследование показало несколько аспектов.

Конституция РФ⁶ была принята в 1993 г., последние изменения были внесены в нее 6 октября 2022 г., а непосредственно в статью 75 Конституции РФ — в 2020 г., однако положения в части цифрового рубля до сих пор закреплены не были. А потому, с точки зрения обыденного толкования, не совсем понятно, являются ли рубль и цифровой рубль идентичными понятиями, соотносятся ли они как целое и часть, или же это совершенно разные явления, требующие различного правового регулирования и правоприменения?

Общеизвестно, что суверенитет страны, в частности, зависит от определенности основной валюты государства (в связи с этим также выделяется конструкция «валютный суверенитет»). Как указывают М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др., «законное платежное средство следует рассматривать как результат реализации денежного (валютного) суверенитета государства и продукт процесса денежной эмиссии, осуществляемой от имени государства уполномоченным на то органом» [2].

Попробуем разобраться, как с точки зрения обыденного толкования понимается введение цифрового рубля в России.

Стоит отметить, что под термином «толкование» понимается деятельность, предполагающая уяснение правовых норм (направленная на себя, для себя) и разъяснение правовых норм (то есть деятельность, направленная на коммуникацию с людьми, которым разъясняются правовые нормы).

Толкование классифицируется в теории права по видам. Неофициальное толкование-разъяснение осуществляется негосударственными органами и организациями, различными научными и учебными заведениями, группами специалистов-юристов, отдельными гражданами. Оно выражается в форме устных или письменных советов, пояснений, рекомендаций. Такого рода акты не имеют

обязательного характера, и не влекут за собой каких бы то ни было юридических последствий. Их моральная сила и влияние основываются на профессиональном авторитете граждан, учреждений и организаций, разъясняющих содержание тех или иных норм или отдельных нормативных правовых актов. Для целей нашего исследования следует обратить внимание на классификацию толкования в зависимости от субъектов права. В этой связи выделяют профессиональное толкование. Оно осуществляется юристами, обладающими соответствующими юридическими компетенциями. Особо выделяется доктринальное (научное) толкование. Оно выражается в подготовленных учеными-юристами комментариях к действующему законодательству, книгах, лекциях, брошюрах, научных статьях.

Среди различных видов неофициального толкования и выделяют обыденное толкование, осуществляемое гражданами в их повседневной жизни, быту, а также профессиональное (компетентное) толкование, осуществляемое специалистами в области государства и права (судьями, адвокатами и др.) в процессе их повседневной деятельности.

Практика показывает, что обыденное толкование всегда оказывалось менее значимым для правовой жизни, что не является правильным изначально. Субъектами обыденного толкования являются обыкновенные люди, живущие в государстве, и при этом именно от их поведения во многом зависит состояние законности и правопорядка в стране. Вот почему важно в условиях цифровизации общественных отношений обращать внимание на вопросы понимания законоположений простыми людьми, разъяснять им сложные нормы, юридические явления и процессы. Такая разъяснительная поддержка будет способствовать повышению правовой культуры и грамотности населения.

В то же время возникает вопрос о субъектном составе тех, кто может давать обыденное толкование. Исследования в области теории права свидетельствуют о неоднозначных мнениях о том, кто может быть носителем права на обыденное толкование.

Большинство юристов полагают, что обыденное толкование осуществляется «не-юристами»: обычными гражданами, не имеющими юридического образования, не получающими юридическое образование, не работающими в сфере юриспруденции.

Однако есть и иная позиция. Так, в частности, Д.Х. Хафизов утверждает, что обыденное толкование может совершать любой субъект права, вне зависимости от наличия у него юридического образования. Например, юрист в сфере уголовного права может достаточно поверхностно разбираться в отдельных аспектах гражданского права и давать обыденное, житейское толкование в отношении тех или иных норм ГК РФ. Кроме того, по мнению ряда исследователей, возраст также является важным фактором, влияющим на целесообразность утверждать,

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий воссоединенные субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

что толкование, данное пусть и юристом, будет обыденным, а не профессиональным. К примеру, юрист-практик, вышедший на пенсию и давно не работавший в сфере юриспруденции, прочитал в газете Указ Президента РФ и представил своему соседу в устной форме свое толкование положений такого нормативного акта. Кроме того, ряд исследователей полагает, что важным фактором в понимании профессионального и обыденного толкования может выступать состояние здоровья, особенно психического, человека. К примеру, такие заболевания, как деменция, болезнь Альцгеймера, шизофрения и другие, могут привести к тому, что толкование, данное человеком с такими расстройствами, будет выступать обыденным (или иным, особенным).

Возникает резонный вопрос: получается, что любое толкование нормы права, данное юристами, будет профессиональным, а данное «непрофессиональным юристом» обыденным? Как понять тогда степень профессионализма юриста? Кто вправе поставить под сомнение уровень компетентности юриста при толковании нормы закона? И как быть с теми юристами, которые «кажутся» профессионалами, а на самом деле поверхностно разбираются в законах? Помимо этого возникает и, пожалуй, основной вопрос: если я юрист, то я уже не могу осуществлять обыденное толкование, то есть я автоматически теряю право на обыденное толкование? И если это право, то с какого момента я его приобретаю, при каких условиях «лишаюсь» этого права, а также при каких особенностях снова могу это право «вернуть» (как было указано выше, в случае, например, некоторых заболеваний)?

Может ли быть «право на осуществление обыденного толкования»?

Итак, для начала предположим, что можно выделить такое право, как «право на осуществление обыденного толкования». Постараемся подтвердить или опровергнуть данный тезис.

При этом обращаем внимание, что Конституционный Суд РФ дает толкование Конституции Российской Федерации по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации и органов законодательной власти субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 105 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁷). При этом согласно ст. 106 Конституции РФ толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. То есть толкование,

данное Конституционным Судом РФ, — это его полномочие. Как указывается в толковом словаре Д.Н. Ушакова, «полномочие — это власть или право, данное кому-нибудь». По определению Б.М. Лазарева, Л.М. Карапетинной, «под полномочиями следует понимать право и (или) обязанность в определенной сфере, в том числе по принятию решений». В связи с этим на основе логических умозаключений: если полномочие — это права и обязанности, — можно сделать вывод о том, что полномочие Конституционного Суда по толкованию Конституции РФ можно расценивать в том числе как такое право Конституционного Суда. Следует отметить, что в данном случае такое право будет конституционно закрепленным.

Стоит предположить, что если, в частности, есть такое конституционное право по толкованию законов, которое принадлежит конкретному субъекту в силу закона, то может быть и право на осуществление неофициального толкования. Поэтому зададим вопрос: *а вправе ли любой индивид осуществлять обыденное толкование, допустим, Конституции РФ?*

Ответ на такой вопрос прослеживается в самой Конституции РФ: согласно ч. 1 ст. 55 Конституции РФ «перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Указанное положение не только гарантирует наличие не поименованных в тексте Конституции РФ прав и свобод, но и позволяет на основе грамматического толкования сделать вывод о том, что, в частности, закрепление в Конституции РФ прав и свобод может толковаться (с учетом особенностей, отраженных в ч. 1 ст. 55 Конституции РФ). Вместе с тем субъекты, которые могут осуществлять такое толкование, в данной статье не названы. Однако попробуем сделать вывод о том, что право на обыденное толкование также исходит из ст. 29 Конституции РФ, согласно которой «каждому гарантируется свобода мысли и слова» (ч. 1); «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч. 4).

Итак, мы выяснили, что существует такое *право на осуществление обыденного толкования, которое корреспондируется конституционно гарантированной свободой мысли и слова.*

Теперь попробуем разобраться, кому *принадлежит данное право и каковы его пределы.* Полагаем, что стоит рассмотреть две позиции: 1) данное право принадлежит всем; 2) данное право принадлежит определенным лицам.

Попробуем проанализировать каждый из этих тезисов.

1. Если предположить, что каждый может осуществлять обыденное толкование, то это значит, что любой суд может осуществлять обыденное толкование, что не может быть истиной, поскольку, как мы уже выяснили, Конституционный Суд РФ имеет такое полномочие по осуществлению официального толкования, и, если он будет

⁷ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 23 июля.

осуществлять обыденное толкование, это будет противоречить его природе.

2. Значит, обыденное толкование могут осуществлять не все. А кто же тогда может?

Из курса обществознания и права всем хорошо знакомы примеры такого неофициального толкования, как обсуждение бабушками-пенсионерками на лавочке законодательного повышения пенсии или обсуждение на заводе слесарями норм труда. Бесспорно, это будут примеры обыденного толкования, осуществляемого субъектами права: физическими лицами, не имеющими юридического образования. Но вот как же тогда в части толкования, данного юристами, *может ли оно быть квалифицировано как обыденное?*

Допустим, в юридическом бюро «Рога, копыта и хвост» две девушки — М. и З. — юристы-консультанты, во время обеда они обсуждают ст. 2072 УК РФ, про которую пишет научную работу их знакомый. При этом обе эти девушки специализируются на частном праве и даже не помнят, о чем указанная статья УК РФ, высказывают свои позиции только на основании идей, сформулированных их приятелем при встрече. Какое это будет толкование, данное З. и М.: профессиональное или обыденное?

Для ответа на указанный вопрос необходимо разобраться в том, *чем отличается профессиональное и обыденное толкование*. Итак, оба эти толкования представляют собой разновидности неофициального толкования. При этом полагаем, что *основной критерий здесь — это именно субъект, осуществляющий такое толкование: обыденное толкование дается не-юристом, доктринальное — ученым, а профессиональное — юристом*. Считаем, что это и есть основной критерий отличия обыденного толкования от остальных видов толкования.

Вместе с тем, по мнению Р.Б. Гандалоева [3], отличительной характеристикой обыденного толкования выступает то, что обыденное толкование чаще всего осуществляется в быту, в неформальной обстановке. В связи с этим рассматриваемая ситуация о комментировании за обедом М. и З. статьи УК РФ должна быть расценена как осуществление обыденного толкования, поскольку, во-первых, в обеденный перерыв предполагается неофициальная обстановка, а во-вторых, девушки не очень компетентны в данной норме УК РФ.

Однако мы полагаем, что это не так: ни обстановка, ни возраст, ни состояние здоровья, ни положение в стране и за ее пределами, ни погода, ничто иное, кроме того, что человек — юрист или не-юрист, — не будет отличать обыденное толкование от профессионального.

Как отмечает Г.М. Давидян [4], если в советский период главным регулятором юристов (судей, адвокатов, прокурора, следователей и др.) была идеология, то в XXI в. важное влияние на работу юристов оказало принятие

так называемых «Кодексов этики юристов» (в частности, Кодекса профессиональной этики адвоката⁹; Кодекса судейской этики¹⁰; Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации¹¹; Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации¹²). Указанные кодексы этики закрепляют презумпцию достаточных знаний, компетенции, которые связаны, в первую очередь, с наличием базовой системы знаний в сфере права. Именно человек, получивший юридическое образование, способен изучить закон, сопоставить его с практикой, найти необходимые связанные нормы, а значит, может разобраться даже в тех законодательных положениях, которые он не использует в своей профессиональной деятельности. Но юрист должен осуществлять юридическую деятельность с должным вниманием, компетентностью, добросовестностью и усердием.

Полагаем, что в отношении указанной деятельности юристов можно привести аналогию с оказанием первой помощи человеку, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии. Врач обязан действовать по правилам Кодекса профессиональной этики врача Российской Федерации («...врач любой специальности, оказавшийся рядом с человеком вне лечебного учреждения, находящимся в угрожающем жизни состоянии, должен оказать ему возможную помощь или быть уверенным в том, что он ее получит»), а также ст. 71 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹³ («...клянусь <...> быть всегда готовым оказать медицинскую помощь»). Как и в отношении соответствующей врачебной деятельности имеются определенные пробелы в правовом регулировании, так и в части понимания профессионального толкования, которое дается юристом, есть некоторые дискуссионные моменты. Однако полагаем, что поскольку в Российской Федерации юристом признается лицо, получившее среднее профессиональное или высшее юридическое образование, то осуществлять профессиональное толкование может любой, кто имеет соответствующее образование.

Понятие «юрист» объединяет всех людей, занимающихся разнородной профессиональной юридической деятельностью, — судей, прокуроров, следователей, адвокатов, нотариусов, юристов в организациях, юристов, занимающихся частной практикой и др.

Таким образом, на наш взгляд, можно утверждать, что существует право на обыденное толкование. Данное право следует из положений Конституции РФ и вытекает из свободы мысли и слова. Носителем данного права выступает каждый человек, который не имеет юридического

⁹ Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.

¹⁰ Утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.

¹¹ Утвержден Приказом Генпрокурора России от 17 марта 2010 г. № 114.

¹² Утвержден Минюстом России 12 августа 2019 г.

¹³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 ноября.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

образования. Данное право абсолютно и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

Обыденное толкование конструкции «цифровой рубль»

В части выявления особенностей обыденного толкования такого понятия, как «цифровой рубль», рассмотрим результаты телефонного опроса граждан, проведенного ВЦИОМ¹⁴.

Согласно результатам опроса, более половины (51 %) респондентов не понимает, для чего нужен цифровой рубль и зачем он был законодательно закреплен. При выборе вариантов цели введения цифрового рубля 22 % опрошенных согласились с тем, что это было необходимо для обеспечения прозрачности и безопасности денежных операций, вместе с тем 8 % опрошенных полагают, что цифровой рубль был выведен для сокращения расходов на печать денег, развития российской экономики и ее интеграции в мировую экономику.

Вместе с тем часть опрошенных негативно оценивает внедрение цифрового рубля, указывая, что это обман (3 %), контроль и одурманивание населения (по 2 %), цифровое рабство (1 %).

Стоит обратить внимание на то, что в телефонном опросе, проведенном ВЦИОМ, приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет¹⁵.

Полагаем, что подобный опрос можно классифицировать как социологический опрос, который позволяет узнать мнения любых граждан и выявить уровень правовой культуры населения.

В то же время такой опрос нельзя рассматривать в качестве примера обыденного толкования. Во-первых, поскольку, несмотря на оценку уровня образования, ВЦИОМ не узнавал про полученную специальность, направление подготовки, то есть осуществлял опрос в том числе юристов. Во-вторых, опрос не предполагал дачу респондентами развернутого ответа. В-третьих, толкование норм как таковых не осуществлялось, поскольку 30 % ничего не слышали о цифровом рубле, можно сделать вывод о том, что наличие каких-либо упоминаний о нем в законе они даже и не предполагают.

В связи с этим нами была проведена попытка самостоятельно проанализировать, как понимается «цифровой рубль» в рамках обыденного толкования.

Количество респондентов составило 167 человек. Выборка проводилась с учетом ряда факторов:

- специальности (профессии), образования (медицинское, педагогическое, художественное, спортивное, инженерное);
- различных возрастов (в частности, 57 человек — 18–25 лет; 49 человек — 26–45 лет; 40 человек —

47–65 лет; 21 человек — старше 66 лет). Из них в исследовании приняли участие 80 женщин, 87 мужчин.

Главным критерием при выборке респондентов было отсутствие у них юридического образования, а также каких-либо специальных знаний и навыков в области юриспруденции.

Интервьюирование населения нами проводилось в четыре этапа.

На первом этапе респондентам было предложено пройти небольшой тест, на каждый вопрос которого предполагается дать односложный ответ (да/нет). Нами были заданы следующие вопросы респондентам (см. табл. 1).

Исследование показало, что 26 % респондентов когда-либо что-то слышали о цифровом рубле.

По мнению 38 % респондентов, цифровой рубль ничем не отличается от обычного «наличного», бумажного, или, может, даже вернее будет сказано «монетного» рубля (термин «монетный» мы использовали, поскольку один рубль выпускается именно в форме монеты).

Стоит отметить, что введение монеты в денежный оборот послужило созданием современной системы денежных отношений.

Итальянский банкир XVI в., автор работ по теории денег, Г. Скаруффи писал, что «деньги — это отчеканенный кусок металла» [8]. Так, действительно, в истории известны различные «формы денег», в том числе в виде металлических монет (сейчас в обороте есть также, например, рублевые, двух-, пяти- и десятирублевые монеты). Кроме того, стоит упомянуть и о бумажных деньгах. В определенный момент они стали именоваться также фиатными (от лат. fiat — декрет, указание, «да будет так») или фидуциарными (от лат. fiducia — доверие). Они эмитируются государством, и их ценность основана на доверии к государству [5].

Интересно, что Л.Л. Арзуманова предлагает определять безналичные денежные средства через такое понятие, как «информация». Поскольку, по ее мнению, они представляют информацию, в частности, о стоимости [6].

73 % респондентов ответили, что цифровой рубль является самостоятельной денежной единицей, что противоречит статье 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹⁶, в которой закрепляется, что «официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль и устанавливается запрет введения на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуска денежных суррогатов».

Большее половины опрошенных полагают, что цифровой рубль и криптовалюта — равнозначные понятия, что, по-видимому, оправдано безналичными формами каждого из этих явлений.

¹⁴ Сайт ВЦИОМ. URL: <https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vstrechaem-cifrovoi-rubl> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. 2002. 13 июля.

Таблица 1. Вопросы для анкеты

Вы когда-нибудь слышали о цифровом рубле?	Да	Нет
На Ваш взгляд, отличается ли цифровой рубль от обычного рубля?	Да	Нет
Является ли цифровой рубль самостоятельной денежной единицей?	Да	Нет
Существует ли, на Ваш взгляд, цифровая копейка (по аналогии с положением статьи 27 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: Официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль. Один рубль состоит из 100 копеек)?	Да	Нет
Отличается ли цифровой рубль от криптовалюты?	Да	Нет
Отличаются ли чем-то переводы цифрового рубля друг другу от переводов через Систему быстрых платежей (СБП)?	Да	Нет
Можно ли цифровые рубли, находящиеся на цифровых кошельках, использовать как средства сбережения, открывая вклад?	Да	Нет
Противоречит ли введение цифрового рубля Конституции Российской Федерации?	Да	Нет

Однако, как верно отмечает А.В. Турбанов, ключевыми отличиями цифрового рубля от криптовалюты является, прежде всего, то, что он:

- 1) эмитируется исключительно Центральным банком Российской Федерации (Банком России) — компетентным органом, уполномоченным государством;
- 2) является обязательством Банка России [2].

Обращаем внимание на то, что первое публичное упоминание об использовании криптовалюты DigiCash датировано 27 мая 1994 г.¹⁷

Вместе с тем 3 января 2009 г. уже был сгенерирован первый блок биткоинов¹⁸.

М.А. Портной на примере биткоина приводит убедительные аргументы, свидетельствующие о том, что криптовалюта не является деньгами. «Признаком того, что „биткоин“ не является деньгами, — пишет он, — служит отсутствие у него собственной стоимости, а также то, что он не является обязательством. То есть это изделие не является ни торговыми, ни кредитными деньгами. Более того, „биткоин“ не может полноценно существовать без настоящих денег. <...> „Биткоин“, — заключает он, — это не деньги, а некий жетон, посредством которого можно проводить платежи внутри замкнутой системы» [7].

По мнению Председателя Банка России Э.С. Набиуллиной, криптовалюта относится к цифровым финансовым активам и является денежным суррогатом¹⁹.

Зарубежный опыт

Зарубежный опыт демонстрирует схожее с Россией правовое регулирование криптовалюты.

Так, с 1 января 2020 г. в Германии вступили в силу поправки к законодательству²⁰, связанные с имплементацией требований 5-й Директивы ЕС о противодействии отмыванию денежных средств. В Германии криптоактивы стали рассматриваться в качестве самостоятельного вида «финансового инструмента» в соответствии с новыми поправками в Закон Германии о банковской деятельности (Kreditwesengesetz, KWG). Согласно изменениям банки вправе хранить биткоины и иные криптоактивы (под которыми понимается цифровая стоимость, не выпускаемая или не гарантируемая Центральным банком, не имеющая правового статуса валюты или денег, но являющаяся платежным средством, передаваемая, хранимая и торгуемая в электронной форме)²¹.

В Японии с 2017 г. действуют поправки к законодательству, регулирующие банковскую деятельность, а также к Закону о платежных услугах (Payment Services Act), в соответствии с которыми биткоин и другие криптовалюты были признаны возможным способом расчетов на территории страны, хотя лишь в отношении товаров и услуг или имущества, которые реализуются посредством электронной продажи. В 2019 г. Банк Японии констатировал, что цифровые информационные технологии в будущем могут расширить возможности денег.

Китай является «продвинутым пользователем цифрового юаня», многие страны Карибского бассейна также используют свою цифровую валюту [8].

Итоги опросов

Значительное количество респондентов полагает, что переводы цифрового рубля будут аналогичны переводам через Систему быстрых платежей. Вместе с тем перевести бесплатно по Системе быстрых платежей (СБП) можно не более 100 тыс. рублей в месяц. На большую сумму комиссия составляет 0,5 %,

¹⁷ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.

¹⁸ Сайт «Биткоин — финансовая революция». URL: <https://bitcoin-course.info/istoriya-bitkoina-s-samogo-nachala/> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁹ Сайт «Лента.Ру». URL: <https://lenta.ru/news/2021/06/15/bitokk/> (дата обращения: 18.09.2023).

²⁰ Сайт «DigiCash's Ecashtm to be Issued by Deutsche Bank» URL: <https://chaum.com/ecash/> (дата обращения: 18.09.2023).

²¹ Сайт Германского Бундестага. URL: <http://dipbt.bundestag.de/extrakt/ba/WP19/2517/251728.html> (дата обращения: 18.09.2023).

но не более 1,5 тыс. рублей. Вне СБП комиссии выше. Комиссия за переводы цифровыми рублями между юридическими лицами составит 15 рублей за операцию. Тариф за прием платежей в цифровых рублях для юридических лиц установлен на уровне 0,3 % от суммы платежа (но не более 1,5 тыс. рублей). Тариф для компаний, предоставляющих жилищно-коммунальные услуги, установлен на уровне 0,2 % (но не более 10 рублей). Это значительно ниже, чем тариф по эквайрингу — от 1,5 до 3 %. При этом до 1 января 2025 г. все операции с цифровыми рублями на платформе Банка России будут проводиться бесплатно.

59 % респондентов дали утвердительный ответ относительно того, что на цифровом кошельке можно будет открывать вклад из цифровых рублей. Однако это не так. На средства, находящиеся на цифровых кошельках, не будут начисляться проценты (как по вкладам). Соответственно, средства абсолютно не будут защищены от инфляции. Это делает невозможным использование цифрового рубля в качестве средства сбережения.

Как показало проведенное нами анкетирование, некоторые респонденты (39 %) даже усомнились в законности введения цифрового рубля. Указанное можно объяснить тем, что респонденты основывались на постулате о том, что согласно ст. 75 Конституции РФ денежной единицей в Российской Федерации является рубль, а также на положениях данной статьи, согласно которым денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации; введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются; защита и обеспечение устойчивости рубля — основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти.

Таким образом, в тексте Конституции РФ о цифровом рубле ничего не указано. Вместе с тем Конституция РФ содержит в себе также такие базисные положения в части правового регулирования рубля, как: закрепление введения в Российской Федерации полномочия по установлению правовых основ единого валютного рынка (п. «ж» ст. 71 Конституции РФ); гарантирование единого пространства экономики, свободного перемещения товаров, услуг, финансовых средств в этом пространстве, а также поддержку конкуренции и свободы граждан в экономической деятельности (ст. 8 Конституции РФ).

На втором этапе интервьюирования мы попросили опрошенных самостоятельно рассказать, что они понимают под термином «цифровой рубль», когда, на их взгляд, он возник и какие имеет особенности.

Респонденты отмечали, что цифровой рубль — это уникальный цифровой код, который хранится в электронном кошельке на специальной платформе Банка России.

После этого мы попросили прокомментировать ответы на тест, почему были выбраны именно такие ответы.

На третьем этапе респондентам были выданы листы с напечатанным на них текстом следующего содержания:

«Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»²² (статья 3: «платформа цифрового рубля — информационная система, посредством которой в соответствии с правилами платформы цифрового рубля взаимодействуют оператор платформы цифрового рубля, участники платформы цифрового рубля и пользователи платформы цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями; правила платформы цифрового рубля — нормативные акты Банка России, устанавливающие условия доступа к платформе цифрового рубля и содержащие иные положения, предусмотренные настоящим Федеральным законом; пользователь платформы цифрового рубля — физическое лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие доступ к платформе цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями; участник платформы цифрового рубля — оператор по переводу денежных средств (за исключением Банка России) или иностранный банк, предоставляющие пользователям платформы цифрового рубля доступ к платформе цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями»).

После ознакомления с данным текстом респондентов попросили самостоятельно представить свое толкование положений данного закона (в устной форме).

Интересно, что большинство 84 % не смогли вспомнить название закона, 12 % отметили, что закрепляются определения понятий, 8 % респондентов указали, что «речь идет о какой-то платформе», а на уточняющий вопрос о том, значит ли это, что цифровой рубль будет в электронном формате, лица (93 %) в возрасте старше 66 лет указали, что «видимо, не в электронном, если есть какая-то платформа, туда приходят/встают и платят».

На четвертом этапе респондентам было рассказано, что цифровой рубль — это вид безналичных денежных средств (ст. 128 ГК РФ). Ими можно рассчитываться только путем перевода на специальной платформе Банка России (п. 4 ст. 861 ГК РФ, ст. 82.10, 82.11 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»²³).

Правила платформы установлены в Положении Банка России «О платформе цифрового рубля»²⁴. Они размещаются на его сайте (ч. 1, 4 ст. 30.7 Закона о национальной платежной системе).

²² Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Российская газета. 2011. 30 июня.

²³ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. 2002. 13 июля.

²⁴ Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. № 58. 2023. 16 августа.

Пользователями платформы могут быть физические, юридические лица и ИП (п. 40 ст. 3 Закона о национальной платежной системе, п. 2.5 Положения Банка России «О платформе цифрового рубля»). До 31 декабря 2024 г. круг пользователей платформы, которые вправе совершать операции с цифровыми рублями, перечень видов операций, пороговые значения сумм операций определяет Совет директоров Банка России по согласованию с Росфинмониторингом (п. 4 ст. 8 Закона № 340-ФЗ).

Доступ к платформе предоставляется пользователям, в отношении которых проведена идентификация в соответствии с п. 1 ст. 7 Закона о противодействии легализации преступных доходов, а также которыми получен сертификат ключа проверки электронной подписи в удостоверяющем центре. Физлица и ИП для открытия счета и совершения операций с цифровыми рублями должны быть зарегистрированы в ЕСИА и получить ключ простой электронной подписи при личной явке (п. п. 2.5, 2.6 Положения Банка России «О платформе цифрового рубля»).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате проведенного анализа текста Конституции Российской Федерации предложено утверждать

о конституционности права на обыденное толкование. Данное право следует из статей 29 и 55 Конституции Российской Федерации и выступает разновидностью свободы мысли и слова. Носителем данного права выступает каждый человек, который не имеет юридического образования. Указанное право абсолютно и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

Результаты изучения обыденного толкования цифрового рубля позволили выявить, что многие не совсем верно понимают и интерпретируют нормы, которые они самостоятельно прочитали. Это доказывает необходимость повышения уровня правовой культуры граждан. Полагаем необходимым, в первую очередь, обратить внимание на людей не юридических профессий. В связи с этим представляется целесообразным осуществлять следующую деятельность как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации: предоставить расширенный доступ к информационным системам с законами для людей всех профессий на бесплатной основе; проводить открытые лекции в форме «дайджест (обзор) принятых законов за неделю» по телевидению, транслировать это в сети «Интернет»; приглашать экспертов на производства для общения по поводу законов, которые связаны с профессиональной деятельностью организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стыценко Р.А. Пробелы и противоречия в законодательном регулировании цифрового рубля в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-119-126
2. Турбанов А.В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 73–90. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.073-090
3. Гандалоев Р.Б. Толкование норм права // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 68–72. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10297
4. Давидян Г.М. Некоторые проблемы профессиональной этики юриста в Российской Федерации // Закон. 2013. № 11. С. 40–45.

5. Грищенко В. Фиатные деньги: аналитическая записка. Москва: Банк России, 2019.
6. Арзуманова Л.Л. Система денежного обращения как подотрасли финансового права Российской Федерации / под ред. Е.Ю. Грачева. Москва: Проспект, 2021. 128 с.
7. Портной М.А. Роль денег, криптовалюты, золота в современной денежно-кредитной политике // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 1. С. 20–29.
8. Равоян Р.А. Правовое регулирование обращения цифрового рубля // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 39–42.

REFERENCES

1. Stytsenko RA. Gaps and contradictions in the legislative regulation of the digital ruble in the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):119–126. (In Russ.). DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-119-126
2. Turbanov AV. A digital ruble as a new form of money. *Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(5):73–90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.073-090
3. Gandaloev RB. Interpretation of the standards of law. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*. 2020;(5):68–72. (In Russ.). DOI:10.24411/2414-3995-2020-10297
4. Davidyan GM. Nekotorye problemy professional'noi etiki yurista v Rossiiskoi Federatsii. *Zakon*. 2013;(11):40–45. (In Russ.).

5. Grishchenko V. Fiatnye den'gi: analiticheskaya zapiska. Moscow: Bank Rossii; 2019. (In Russ.).
6. Arzumanova LL. Sistema denezhnogo obrashcheniya kak podotrasli finansovogo prava Rossiiskoi Federatsii. Ed. by E.Yu. Grachev. Moscow: Prospekt; 2021. (In Russ.).
7. Portnoi MA. The role of money, cryptocurrency and gold in the modern monetary policy. *Economics, taxes & law*. 2019;12(1):20–29. (In Russ.).
8. Ravoyan RA. Legal regulation of the circulation of the digital ruble. *Yuridicheskaya nauka*. 2023;(6):39–42. (In Russ.).

ОБ АВТОРАХ

***Наталья Сергеевна Певцова**, кандидат юридических наук, доцент; ORCID: 0009-0005-2531-7228; eLibrary SPIN: 8790-9088; e-mail: natalipevtsova@bk.ru

Елена Александровна Певцова, доктор юридических наук, профессор; ORCID ID: 0000-0002-2750-6680; eLibrary SPIN: 8392-9424; e-mail: pevtsova@bk.ru

AUTHORS INFO

***Natalia S. Pevtsova**, associate professor, candidate of legal sciences; ORCID: 0009-0005-2531-7228; eLibrary SPIN: 8790-9088; e-mail: natalipevtsova@bk.ru

Elena A. Pevtsova, doctor of law, professor; ORCID ID: 0000-0002-2750-6680; eLibrary SPIN: 8392-9424; e-mail: pevtsova@bk.ru

* Автор, ответственный за переписку / Corresponding author